

Келья № 1

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в пятый день четвёртых Близнецов.

- Господин Алеф?
- А, господин следователь. Проходите, присаживайтесь. Вот на этот стул, пожалуйста.
- Спасибо. Я представлял вас несколько старше.
- А я вас несколько моложе. Но всё относительно, знаете ли. Чаю?
- Не откажусь. Господин Алеф, я бы хотел сразу перейти к сути дела.
- Вам с сахаром? С лимоном?
- С лимоном, если можно.
- Так я вас слушаю.
- Вы настоятель этого монастыря?
- Ещё вчера я бы не знал, что вам на это ответить, господин следователь. А позавчера стал бы решительно отрицать.
- Что-то изменилось?
- Конечно. Вы же закончили расследование.
- Теперь я в этом уже не так уверен.
- Ну и зря. По-моему вы провели его очень хорошо. Может быть, и были какие-то огрехи и неточности, но я их не вижу, я же не специалист.
- Так что сегодня?
- Сегодня?
- Как вы сегодня ответите на мой вопрос? Вы настоятель этого монастыря?
- Похоже на то. С точностью до симметрии. Вы знаете, господин следователь, я никогда к этому не стремился. Честно говоря, я и в монастыре-то оказался случайно. Мне здесь не всё нравится. Наверное, кое-что придётся изменить.
- Что изменить?
- Например, форму одежды настоятеля. Мне не хочется носить рясу.
- Я гляжу, вы одеты как я: рубашка, джинсы.
- А как же иначе. Но это не главное.
- А что главное?
- Что главное, я пока не понимаю. Но вот, например, календарь.
- Что с ним?
- Так уж заведено, господин следователь, что настоятель монастыря должен поменять календарь. Это традиция, сложившаяся в незапамятные времена.
- И вы его поменяли?

— Ещё нет, но уже готов. Я хочу, чтобы календарь лучше соответствовал внутреннему устройству монастыря. Если в финикийском алфавите 22 буквы, то и в году должно быть 22 месяца.

— Это получается по 16-17 дней в месяце?

— Только в среднем. Я основываю календарь на простых числах-близнецах. Знаете, что это такое?

— Два простых числа, разность между которыми равна двум?

— Да. Единицу я тоже считаю простым числом, ведь она, как и все простые числа, делится только на себя и на единицу. Так что первая пара – это 1-3, вторая 3-5, третья 5-7, четвёртая уже 11-13, потом 17-19, ну и так далее.

— И как же устроен ваш календарь?

— Номер пары близнецов – это номер месяца. Я их считаю с нуля, так удобнее. Первое число пары – это нулевой день месяца, следующее число – первый день, потом второй день, и так далее до следующей пары близнецов. Таких пар близнецов, то есть месяцев, в году уместается как раз 22. Последняя пара 347-349, следующая уже выходит за пределы года – это пара 419-421.

— И зачем это, господин Алеф?

— Ну как же. Пара близнецов – это жизнь и сожизнь, здесь и там, тоже близнецы.

— Госпожа Мимю говорит, что сожизнь – это фикция.

— Не фикция, господин следователь, а жизнь-фикция. Это как математика.

— Математика – фикция?

— Только по отношению к жизни. Возьмите любой математический объект: точку, прямую линию, число... Разве они встречаются в жизни? Это же абстракции. Так же и мы.

— Кто мы?

— Манахи и манахини.

— Но это живые люди.

— И одновременно их отражения. Здесь и там. Вчера и завтра. Внутри кельи и за её окном. Чёт и нечет. Мужчина и женщина, потому что пенис и вагина.

— На что вы намекаете?

— Вот вы меня хорошо видите, господин следователь?

— Да вроде бы.

— А так?

— Вы наклонились в сторону, и я вижу только окно за вашей спиной.

— Вот видите, господин следователь.

— Не вижу.

— Ну, хорошо. Мне не хотелось об этом говорить, но, видимо, придётся. Дело в том, господин следователь, что не так давно мы обнаружили недостачу монастырских денег.

— Да, господин Гимельджим говорил мне. Что-то около ста тысяч долларов? Но ведь они потом нашлись.

— Вот именно что потом. Но сначала мне пришлось организовать внутреннее расследование.

— И?

— Поскольку деньги нашлись, расследование пошло по другому пути. Сейчас оно уже закончено.

— Как и моё расследование.

— Так ведь это одно и то же расследование, господин следователь.

— Почему это? Я расследовал усекновение настоятеля.

— А что такое усекновение?

— Во всяком случае, не то же самое, что недостача. Все говорят, что это неизвестно.

— И я так говорю, ведь деньги нашлись.

— Господин Алеф, вы тоже пытаетесь меня запутать.

— Вовсе нет, господин следователь! Наоборот, я пытаюсь внести ясность. Но... как бы это сказать... не слишком грубо.

— Никакой ясности я не вижу!

— Вы просто не хотите видеть, господин следователь. Знаете, что? А давайте прогуляемся. Вы уже допили свой чай?

— Да, спасибо. Вы мне хотите что-то показать? Там, в парке?

— У нас тут чудесный парк, свежий воздух, красивые виды, на ходу лучше думается. Вы не пожалеете, господин следователь.

— Да, воздух действительно свежий, могло бы быть и потеплее.

— Но ведь сейчас только самое начало весны, господин следователь. Кстати, моё любимое время года. Посмотрите, как голубеет небо в кронах тех клёнов.

— Господин Алеф, вы ведь не специализируетесь в какой-то определённой области математики?

— Почему вы так думаете?

— Госпожа Нун сказала, вы осуществляете общее руководство.

— Ну, это, конечно, верно, но всё же у меня тоже есть свои пристрастия. Смотрите, на ветках ивы уже расселись прилетевшие с юга птицы.

— И какие же?

— Это жаворонки, господин следователь. Видите, у них хохолки на голове.

— Я спрашивал, какие пристрастия.

— А, это... Меня интересует поэзия.

— Поэзия? Но это же не раздел математики!

— Вы так уверены? А знаете ли вы, что самая старая в индийской математике рукопись Бэшали, ещё берестяная, написана стихами? А математические задачи грека Метродора, ученика Диофанта Александрийского, отца

алгебры? А алгебраическая поэма бербера Ибн аль-Ясмينا? Даже в арифметике Магницкого есть стихотворные строки.

— Но это всего лишь форма. Да и писать стихами не значит писать стихи.

— Господин следователь, знаете, в чём математика и поэзия совпадают? В них форма – это и есть содержание. Измените один значок в математическом доказательстве – и оно станет неверным. Измените одно слово в стихотворении – и поэзия исчезнет.

— Возможно, но это ещё не значит...

— Нет, значит! Когда-то математика и поэзия были едины: и в духе, и в букве. Их разъединение – это грехопадение.

— Даже так?

— Вы видите этот могучий дуб, господин следователь?

— Красивое дерево, но я не понимаю...

— Оно не просто красивое, господин следователь. Оно ещё точно рассчитано. Математически точно! Посмотрите, как соразмерны его ствол, вот эти могучие корни, эти тяжёлые ветви, как они разветвляются и утончаются вплоть до исчезающих кончиков. Да оно и красивое лишь потому, что математически точно. И, смею утверждать, что математически точно лишь потому, что красиво.

— Но при чём тут грехопадение?

— При том. Человек разъединён внутри себя самого. Но мы идём по кругу, господин следователь.

— Мне кажется, мы здесь ещё не были. Вон тот мостик впереди, мы его не проходили.

— Да нет, господин следователь, я говорю о человечестве. Мы движемся по большому кругу и в конце концов должны вернуться: математика и поэзия должны воссоединиться.

— Как вы себе это представляете, господин Алеф?

— Никак. В этом и проблема.

— И вы хотите сказать, что это и есть та проблема, которой занимаются в вашем монастыре? А другие манахи и манахини согласны с вами?

— Не знаю. Это только желание, надежда, мечта, чаяние. И, конечно, страх.

— Страх? Вы чего-то боитесь, господин Алеф?

— Ну, конечно: Страшного Суда.

— ?!

— Ах, господин следователь, это просто поэтическая метафора.

— А не тот ли это мостик, где видели настоятеля?

— И одновременно математический термин.

— Мостик?

— Да нет, Страшный Суд. Хотя, мостик тоже.

— Хотя, если вы, господин Алеф, и есть настоятель, то это вас там и видели.

— Дело в том, что перед Страшным Судом произойдёт воскрешение из мёртвых.

— Что?

— Да, да! Воскрешение из мёртвых всех когда-либо написанных поэтических и математических стихотворений.

— Господин Алеф, вы ведь знаете господина Рейша?

— Давайте я вам прочту стихотворение.

— Правда, госпожа Мимю считает, что Рейш неудачно пошутил, но госпожа Тауса утверждает, что Рейш не врёт.

— Отсюда, с мостика открывается самый лучший вид в нашем парке. Видите, как течёт речка? Чувствуете дыхание весеннего ветерка? Слушайте.

— У Рейша теория психиатрической лечебницы.

— *Как ребёнок из чрева матери
Как вино и еда на скатерти
Как из облака крылья птицы
Как мгновенье что жизнью длится
Как молчанье рождённое словом
Для того чтобы снова и снова
Белый цвет лепестков опадающих весенней вишни
Как путник который ищет
Драгоценный утерянный путь
Как божественный шёпот «Забудь...»
Как проснувшийся от бодрствования
И я.
А на самом-то деле всё просто
Как выдох или молитва
Как глагол и сущность
и белый цвет лепестков опадающих весенней вишни
лишнее вычеркнуть
останется суть...*

— Это стихотворение об усекновении?

— Нет, господин следователь, это о жертве. Я же вам рассказывал. Или не рассказывал? Ну, это не важно. В конце концов, жизнь и сожизнь так симметричны...

— А это?...

— Да, господин следователь, усекновение.

11-24 февраля 2013 - 29 октября 2017